

В. А. МИХНЮКЕВИЧ
Челябинский университет

РОЛЬ ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ РАССКАЗЧИКА И ПРОБЛЕМА ЖАНРОВОЙ АТРИБУЦИИ НЕСКАЗОЧНОЙ ПРОЗЫ

(заметки о бытовании городского фольклора)

При собирании фольклора в каком-либо определенном районе может сложиться превратное мнение, что устной прозы здесь не бытует. Дело в том, что не каждый из местных жителей-собеседников собирателя может быть хорошим рассказчиком. Бывает, что человек, с которым беседуешь, наверняка знает местные топонимические предания, предания об интересных людях своего селения и др.; он, может быть, неоднократно слышал их, но сам рассказать не может, а способен лишь скупомолвиться об интересующем собирателя предмете. Настоящей удачей можно считать встречу с интересным рассказчиком, который знает цену слова и рассказывает иногда с блеском. У преданий (о них в первую очередь идет речь), как и у других фольклорных жанров, есть свои мастера.

В жанрах устной несказочной прозы индивидуально-творческое начало проявляется в том, как рассказано, ибо что рассказано зависит в первую очередь от коллективного творческого опыта народа. Традиция диктует исполнителю тематику, подсказывает идейную наполненность произведения и основной смысл образов, тогда как композиция, язык и стиль, выбор оригинальных или традиционно фольклорных средств выразительности — все это зависит от импровизаторских способностей рассказчика. Бессознательное это или осознанное стремление, но в повествованиях талантливых исполнителей ощущается забота о занимательности сюжета, что ведет, в противоположность обыкновенно одноэпизодному преданию, к относительно усложненной композиции, отчего мы нередко в одном повествовании наблюдаем контаминацию двух или нескольких преданий. Стиль может оснащаться пословично-поговорочной фразеологией, повествование драматизируется при помощи диалога и т. п.

Кроме того, необходимо учитывать реальные условия бытова-

ния преданий, как и других жанров несказочной прозы. Предание может циркулировать в виде лаконичных слухов и толков, которые содержат в себе главный мотив. Для представителя местного населения, в массе своей знающего локальные предания, совершенно излишне выслушивать подробный рассказ от земляка. Ему достаточно малейшего намека, чтобы понять, о чем идет речь. Однако эзотерическая форма передачи может меняться на экзотерическую, если перед тем же рассказчиком молодой или приезжий человек (например, фольклорист). Форма рассказа (Fabulat, Memorat, Sagenbericht, по классификации К. В. Сидова) зависит от реальных условий общения исполнителя со слушателем.

Все эти предварительные соображения заставляют говорить о том, что проблема рассказчика имеет несколько аспектов. Во-первых, это роль талантливого исполнителя в поддержании традиции местных преданий. Во-вторых, это вопрос о своеобразии творческой индивидуальности такого рассказчика. Наконец, это жанровая принадлежность его повествований.

Есть много свидетельств о существовании на Урале, еще до революции, талантливых рассказчиков и их популярности в народе. Писатель Гр. Белорецкий (Г. П. Ларионов) в очерке «Сказитель-гуслиар в Уральском крае», напечатанном впервые в 1902 году, пишет о сказителе-профессионале, который исполнял не только былины и духовные стихи, но также предания и легенды с большим успехом у слушателей¹. Другой литератор, описывая привал во время путешествия по отрогам Таганая, замечает: «Но уснуть долго не удавалось. Федор (проводник. — В. М.) с возницей рассказывали друг другу разные небылицы и анекдоты, — любимая привычка уральца, когда он расположился у ночного костра»². В. П. Бирюков, вспоминая свое детство на Урале в с. Першинском, пишет об особом пристрастии уральцев к слушанию различных рассказов, к чему приучались с ранних лет: «Всякого рода разукрашенные пересказы деревенских новостей, а между пересказами — случайные воспоминания о старине, предания о разбойниках, анекдоты и даже сказочки — все это занимало нас, ребят»³. Особенной популярностью пользовались интересные рассказчики в среде уральских рабочих, такие как пожилой рабочий по прозвищу Косточка на Богословских рудниках⁴, или горщик Никанор Костарев, который «умел так увлекательно и ярко рассказывать о самых простых обыденных случаях из местной жизни, что его слушали буквально с разинутыми ртами, удивляясь тому,

¹ См.: *Белорецкий Гр.* Избранное. Уфа, 1958, с. 57—75.

² *Круковский М. А.* Южный Урал (путевые очерки). М., 1909, с. 176, 177.

³ *Бирюков В.* Путь собирателя (Автобиографический очерк). — Южный Урал (Челябинск), 1951, № 6, с. 159.

⁴ См.: *Дореволюционный фольклор на Урале.* Собрал и сост. В. П. Бирюков. Свердловск, 1936, с. 211.

как чудесно преображались знакомые события и люди»⁵, и случилось, что, заслушавшись, даже опаздывали на работу.

В советское время становятся известными новые имена талантливых рассказчиков. Таков Василий Алексеевич Цикин, на долю которого выпал большой успех, когда он на Первой олимпиаде металлургов Востока рассказал «Заводской сказ о картошке»⁶. Такова Елена Петровна Николаева, о которой рецензент сборника А. Мисюрева «Сибирские сказы, предания, легенды» (Новосибирск, 1959) писал: «В творчестве Елены Петровны счастливо сочетаются качества талантливой народной рассказчицы — огромный жизненный опыт, нерастраченное чувство юмора, сочная сибирская речь»⁷: Таковы те многочисленные рассказчики, с которыми приходилось встречаться на Урале писательнице С. К. Власовой и о которых она пишет в очерке «У истоков рождения сказов: «Меня, как и других, всегда поражал какой-то особенный внутренний такт, бережливость рассказчиков к своему слову, отличававшемуся поразительной краткостью, легкостью и емкостью»⁸. Такие люди напоминают знакомых каждому собирателю фольклора песенников, которые бывают признанными запевалами. Подобно им хороший рассказчик передает известные всем его землякам предания, но делает это мастерски. И задача фольклориста, работающего в полевых условиях, — выявлять в первую очередь таких людей, а не записывать от людей случайных.

Многими примерами подтверждается, насколько выигрывает предание в устах одаренного рассказчика. В Башкирии до сих пор распространено предание о «Дороге Канифы» (или Ханифы). Вот один из текстов: «Канифа была башкирка. Ее похитили, и жила она замужем за Уралом у казаха. Однажды весной к ней пришел старец-башкир и надоумил ее бежать. И вот во время разлива прошли они из Казахстана в Башкирию, не пересекая ни одной реки. Теперь этот извилистый путь называется дорогой Канифы»⁹. В этом суховатом варианте утрачены многие смысловые и поэтические моменты генеалогического предания, призванного объяснить, как на Урале появилось золото. Эти нюансы восстанавливаются в гораздо более пространной и талантливой передаче, где рассказано, как дочь бедняка, не желая выходить замуж за нелюбимого ханского сына, ставит условие насильно увозящим ее сватам: она поедет к жениху, нигде не пересекая многочисленных в Башкирии рек и ручьев, объезжая их в верховьях. 24 года про-

⁵ Ермаков П. П. Воспоминания горнорабочего. Свердловск, 1947, с. 101, 102.

⁶ См.: Седов М. Старый формовщик. — Урал. рабочий, 1936, 28 июня.

⁷ Абрамович А. Живые родники народной поэзии. — Сибирские огни, 1960, № 7, с. 187.

⁸ Власова С. Сказание о Щелкане и Сулее. Челябинск, 1961, с. 116.

⁹ Материалы и исследования по фольклору Башкирии и Урала. Уфа, 1974, вып. 1, с. 128.

должался путь, в течение которого Ханифа разбросала в воду горстями все золото, которое привезли ханские посланники в качестве калыма. Во время столь длительного путешествия Ханифа, естественно, постарела, потеряла свою прелесть, и ее вынуждены были отпустить домой. А на Урале с этой поры появилось золото¹⁰.

Исследователи часто вольно или невольно выделяют наиболее интересные варианты преданий, если их удастся записать от незаурядных рассказчиков. Так, Л. Г. Бараг, анализируя популярное предание о первом башкирском рабочем-металлурге Ибрагиме Ильясове, акцентирует внимание на наиболее полном и поэтичном варианте — устной новелле «Пчел много, а меда нет», где бывший бортник, терпевший укусы пчел, но зато живший вольно, попадает на завод, на котором нужно терпеть укусы «огненных пчел», — искр от горячего металла — за жалкую горсть медных монет. Ибрагим с презрением бросает деньги и возвращается к прежней жизни. Повествование отличается особой поэтической яркостью, потому что, как справедливо считает исследователь, «несет на себе определенный творческий отпечаток личности рассказчика»¹¹.

Привлекает внимание стройностью композиции, ярким языком, насыщенным фольклорной фразеологией, повествование о Пугачеве, объединяющее генеалогическое и топонимическое предания, записанное от И. С. Рыбочкина. Вот как описывается, например, пир Пугачева: «Противоцарский приказ вот туто-ка на песках читали. Идите-ко, мол, все православные, и стар и млад, за Амелянушку. Всем бедным земли, поля, луга раздает безденежно. Туто-ка обрадовался народ воле, тако гульбище устроили — разлюли-малина! Бочки с вином выкатили, кушаний всяких наставили: пельменей, пирогов, каравайчиков, шанег, меду, бражку медовую, тут и мясо, и рыба и парена и жарена. Сам Амелянушка в застоли сидит со стариками да все потчивает их: ешь до отвороту. А молодые-те песни поют: играют, хороводятся, всякие танцы-ляны пляшут и в присядку русские переборы поддают. Ох уж и веселье было! Пыль коромыслом по всему Плотбищу шла. Всем было весело, только один наш прадед не радуется, запечалился слезы вытирает, да в карманы пряники прячет»¹². Рядом с преданиями о смерти Ермака, записанными от разных информантов, выделяется текст на эту же тему, записанный от И. Г. Пермякова, который характеризуется склонностью рассказчика к детализирован-

¹⁰ См.: Алферов Р. А. Дорога Ханифы. — Урал (Белорецк), 1962, 23 дек.

¹¹ Бараг Л. Г. Об устных рассказах, записанных в последние годы. — В кн.: Русский фольклор. Л., 1972, т. 13, с. 142. Вариант предания, выделенного Л. Г. Барагом, ср.: Архивный фонд Челябинского областного краеведческого музея, оп. 4, ед. хр. 1330, л. 24.

¹² Кругляшова В. П. Исторические предания и песни на горнозаводском Урале о Пугачевском восстании. Канд. дис. Приложение. М., 1955, с. 263.

ным описаниям, умением драматизировать сюжет, вести связный стройный рассказ, где фантазия исполнителя не противоречит фольклорным традициям¹³. В том же сборнике, что и повествование И. Г. Пермякова, опубликовано топонимическое предание об Оленьем камне, записанное от А. И. Долматовой. О названиях чусовских бойцов здесь же мы встречаем предания других рассказчиков, но все они отличаются скупостью и лаконичностью. Хотя и рассказ А. И. Долматовой не велик по размерам, но ее короткая новелла о гордом олене, который предпочел смерть — только бы не даться в руки преследователям, отличается редким изяществом словесного оформления¹⁴. Выделяется известной композиционной сложностью, вызванной сплавом нескольких преданий и устных рассказов, повествование о Пугачеве Ф. М. Елисеевой, которая очень живо, образно и стройно ведет рассказ¹⁵.

В нашей собирательской практике встречи с талантливыми рассказчиками не так уж редки. С одним из таких рассказчиков нам посчастливилось встретиться в 1973 году в г. Усть-Катаве — это старожил города Иван Михайлович Киселев. Среди прочего он рассказал цикл сатирических преданий о священнослужителе о. Павлинии. Повествования эти близки к анекдоту, но рассказчик утверждал, что такой отец Павлиний действительно когда-то был, и это позволяет нам говорить о том, что произведения еще не утратили окончательно связи с жанром преданий. Подобные колебания жанровых признаков в наше время не являются исключением.

Надо сказать о прямо-таки артистической манере рассказывания Киселева. Он склонен к драматической форме повествования — отсюда интонационное богатство диалога, когда рассказчик не просто рассказывает, а обыгрывает сюжет, поэтому его нужно не только слышать, но и видеть во время исполнения. Повествовательную манеру Киселева отличает особый стиль описаний обстановки. Вот одно из произведений:

«Дело-то произошло действительно. Идет отец Павлиний по селу, смотрит: мужичок навстречу. Отец Павлиний — к нему, встречается, подходит и говорит:

— Васильич, здорово! Хорошо, что мы встретились, сразу вижу по глазам: хотел меня пригласить. Так не стесняйся — я так и сейчас готов прямо.

— Ну что же, пошли.

Хозяин зашел домой и, пока отец Павлиний там расхаживает, присматривается, говорит хозяйке:

¹³ См.: Предания реки Чусовой. Сост. и автор статей В. П. Кругляшова. — Учен. зап. Урал. ун-та им. А. М. Горького, Свердловск, 1961, вып. 18, с. 47.

¹⁴ См.: Предания реки Чусовой, с. 93.

¹⁵ См.: Фольклор Чкаловской области. Сост. А. В. Бардин. Под ред. Е. Е. Ефремова. Чкалов, 1940, с. 231—234.

— Отец Павлиний пришел, надо бы закуски какой-нибудь толковой купить, получше, ты там уж не постесняйся, не пожалей денег-то, пожалуйста, уж.

Она сходилa, принесла икры. И говорит:

— Вася, ты бы попробовал, что за икра-то, ведь неудобно все-таки — отец Павлиний!

— Не-е, отец Павлиний — лицо-то священное: вот благословит, перекрестится, и я потом попробую после него.

Принесли вино. Отец Павлиний подумал: Значит, тут сейчас перепадает.

— Садитесь, отец Павлиний, — хозяин посадил его, стул предложил в торце длинного стола, икру кетовую поставил в центр стола. Отец Павлиний прикинул: нет, к икре не дотянешься в центр-то. Тогда он берет стул, обходит, ставит к центру, против икры, и говорит:

— Ну вот и хорошо, что меня пригласили, сядем рядком, потолкуем ладком.

Хозяин наливает. Отец Павлиний, значит, опрокидывает:

— Первую рюмку никогда не возбраняется, лишь бы это было не сверх норм... Если взять Петра, с той-то вот улицы — тот пьет не в меру, нехорошо, нехорошо — никого даже не приглашает, сам один пьет, нехорошо делает.

— Выпьем, отец Павлиний.

Отец Павлиний выпил рюмку, залез в икру кетовую ложкой, подвинул поближе, прикрякнул — «Гм», поправил усы: говорят, чем больше он пил, тем усы поднимались все выше.

Выпил вторую рюмку. Хозяин видит: икра сильно убывает. Отец Павлиний берет ложкой деревянной бугром. Хозяину не дотянуться до икры. Он смотрит: нет, ведь икрой-то отец Павлиний овладел окончательно! И говорит:

— Отец Павлиний, ведь икра-то кетовая...

А тот, опрокинув очередную ложку, отвечает:

— Оно и видно, — вроде, что ты мне толкуешь, я и сам понимаю.

Пьют. Отец Павлиний уже отодвинул тарелку совсем от хозяина подальше. Хозяин смотрит и говорит:

— Отец Павлиний, ведь за икру-то плачено, два с половиной рубля за фунт!

Он только опрокинул ложку и говорит:

— И вполне стоит!

Еще выпили. Хозяин смотрит: икры почти ничего не осталось — отцу Павлинию только на одну ложку, он говорит — хотелось ему все-таки попробовать икры-то:

— Отец Павлиний, ведь икры-то было два с половиной фунта!..

Отец Павлиний сгрудил остатки, опрокинул и говорит:

— И вполне достаточно!

Вот такой личностью был отец Павлиний»¹⁶.

Как видим, это целый драматический этюд, в котором едко высмеивается привыкший к поборам с паствы жадный и обжорливый поп-пьяница.

От И. М. Киселева в разное время другими собирателями также записывались предания и песни. Правда, его почему-то называют рабочим¹⁷, тогда как на самом деле И. М. Киселев — кадровый военный, бывший летчик, заведует теперь народным музеем при Дворце культуры вагоностроительного завода в г. Усть-Катаве. Он ввел интересную форму воспитательной работы с молодыми рабочими: прежде чем попадут в цеха завода, они посещают музей и прослушивают рассказ его заведующего о прошлом и настоящем города и завода. Нам удалось побывать на такой беседе, и мы заметили, что лектор-рассказчик насыщает свое выступление народными преданиями, тем самым целенаправленно используя фольклор в воспитательных целях. Умолчание башкирских фольклористов об истинной социальной принадлежности И. М. Киселева вызвано, как нам кажется, инерцией догматического толкования понятия «народ».

Приведем полностью еще одно предание, в котором можно отметить некоторые жанровые свойства анекдота, оно выделяется мастерством композиционно-стилистического оформления (записано И. С. Зайцевым в г. Златоусте от Тимофея Ивановича Лобачева, 60 лет, в годы войны): Видимо, сам собиратель дал ему название «Немецкая ворожба».

«Было это давным-давно, в то время в Златоусте много жило немцев. И вот тогда жила-была хорошая красивая девушка — звали ее Поля.

Много златоустовских хороших парней влюблялись в нее и рады были за ней поухаживать, а тут еще за ней привязался один немец ухаживать. Известное дело, Поля не любила его, а он все за ней ходит и ходит, прямо надоел.

Вот однажды зимой, в святки, — а в то время раньше вся молодежь ходила наряженная по вечерам — и так, больше для развлечения, занимались ворожбой, гаданием.

Подруги Пролыны говорят немцу: «Тебе, — говорят, — надо Полю приворожить, тогда она тебя любить будет. У нас русские всегда так делают».

Немец обрадовался совету девушек и просил научить, как приворожить.

Вечером, как стемнело, девушки повели немца на пруд, где из-

¹⁶ Записано автором в 1973 году в Усть-Катаве Челябинской области от И. М. Киселева (1904).

¹⁷ См.: Народные сказки, легенды, предания и были, записанные в Башкирии на русском языке в 1960—1966 гг. Подбор текстов, редакция, вступ. статья и прим. Л. Г. Барага. Уфа, 1969. Тексты, записанные от И. М. Киселева, помещены под № 41, 57, 100. Наши встречи с И. М. Киселевым были неоднократны.

возчики коней поят. Время было холодное, мороз — сорок градусов, дымом все заволокло.

Поставили немца девушки к проруби. «Стой, — говорят, — и не шевелись, смотри в прорубь, читай ворожбу:

Выйди, желанная, долго ты жданная,

Душу не мучь, не губи.

Выйди ты, Полюшка, выйди красавица,

Выйди, меня полюби.

— Она, — говорят, — обязательно к тебе придет и что будет с тобой делать, ты только говори: «Люблю» — и больше ничего, а сам в это время назад не оборачивайся до тех пор, пока она тебя не поцелует».

Стоит немец над прорубью и читает ворожбу. И вот он слышит: сзади скрип шагов — кто-то идет к проруби. Немец радуется — значит, Поля идет.

— Эй, кто здесь, дай лошадь напоить, — раздается сзади немца голос. Немец не уходит, а знай свое: бормочет ворожбу. Извозчик ему повторил несколько раз, а немец все не уходит. Извозчик рассердился да как хватит немца по спине кнутом, а тот все не уходит, только сказал:

— Люблю.

А извозчик:

— Ну любишь, так на тебе еще!

И давай стегать по спине кнутом, а тот все не уходит и говорит: «люблю» да «люблю».

А потом, видно, невтерпеж стало немчуре, он обернулся назад, смотрит: сзади никакой Поли нет, вместо нее стоит здоровенный мужик с кнутом и хлещет его по спине.

Немец хотел было лезть, да не тут-то было: у него ноги в валенках примерзли ко льду, он дергал, дергал ноги — кое-как выдернул из валенок босые и дал теку домой от проруби.

И так немец ни девушки не приговорил, а сам от нее отворотил. Пробежал по снегу в мороз босиком, поморозился, простыл, заболел и умер. Вот так-то: не суй свинья нос в чужой овес, чужой овес для свиньи не годится, от него нос отвалится...»¹⁸.

Этот рассказ свидетельствует о живых процессах в народной несказочной прозе во время Великой Отечественной войны.

Обращает на себя внимание в этом тексте мастерство сюжетостроения. Краткая экспозиция переходит в завязку, где лукавые девушки учат немца ворожить, потом быстро наступает кульминация — в почти гротескной сцене избияния немца извозчиком и, наконец, — трагикомическая развязка. Очень удачно завершает повествование афористическое рифмованное выражение пословичного типа — своей категорической назидательностью оно придает

¹⁸ Златоустовский филиал Государственного архива Челябинской области, ф. Р-224, оп. 1, ед. хр. 1, л. 24.

рассказанному основательность, а для слушателей оно, может быть, содержит подтекст, выводящий за пределы этой частной истории. О том, что активизация «немецкой» темы в фольклорном репертуаре Златоуста военных лет была не случайной, свидетельствуют записи других преданий с чертами анекдота и сказки («Угощение немчуре», «Кто умнее»), в которых златоустовские немцы непременно посрамляются¹⁹.

Каждому незаурядному исполнителю присуща свойственная только ему манера рассказывания. Так, И. М. Киселев (г. Усть-Катав) обладает ярко выраженной тягой к драматизации повествования и пластичности описаний, Ф. Ф. Васильев (г. Сысерть) склонен к обобщениям социально-философского плана, а П. И. Цепилов (с. Дуван Дуванского района Башкирской АССР) непререкаемо верит в то, о чем рассказывает²⁰. Внимание к творчеству одаренных рассказчиков позволило бы возродить плодотворную традицию нашей фольклористики, которая к последнему времени, к сожалению, ослабла. Необходимо монографическое изучение творческой личности мастеров различных фольклорных жанров: если раньше преимущественное внимание уделялось мастерам былины, сказки, отчасти песни, то теперь наступило время обратить внимание на мастеров несказочной прозы.

Нами уже приобретен некоторый опыт подобного изучения. Это характеристики П. П. Бажова, разбросанные в очерках, письмах, стенограммах бесед писателя, популярного полевого сказителя В. А. Хмелинина, о котором, в частности, сказано: «Реальный Хмелинин был просто краснобай, он умел ярко, хорошо рассказывать. Были и другие старики, тоже рассказывали о прошлом, но они не достигали такой увлекательности изложения. При случае, они, примерно, рассказывали вещи по содержанию равноценные, но только внешне не оформленные. Нельзя сказать, что В. А. Хмелинин говорил сказы всегда одинаково, он говорил каждый раз по-разному, но он хорошо оживлял образы»²¹.

От опытного и талантливого рассказчика Василия Андреевича Лепешкова записано немало преданий о прошлом пос. Тургояк, близ города Миасса Челябинской области, а также устных рассказов о гражданской войне в этих местах. Его пример лишний раз доказывает, что способность хорошо рассказывать — это особый дар. Дело в том, что В. А. Лепешков записал свои рассказы²². Нам

¹⁹ Златоустовский филиал Государственного архива Челябинской области, ф. Р-224, оп. 1, ед. хр. 1, л. 22, 23, 25, 26.

²⁰ Образцы записанных от этих рассказчиков преданий и устных рассказов помещены в ст.: *Михнюкевич В. А. Предания на современном Урале*. — В кн.: Проблемы изучения русского устного народного творчества. М., 1975, вып. 1.

²¹ Цит. по ст.: *Батин М. Некоторые вопросы литературного творчества (Беседы с П. П. Бажовым)*. — Уральский современник (Свердловск), 1951, № 20, с. 148, 149.

²² См. об этом: *Бирюков В. П. Записки уральского краеведа*. Челябинск, 1964, с. 128.

привелось познакомиться с рукописями рассказов В. А. Лепешкова «О счастье» (об уральских самоцветах) и «Паника»²³ (эпизод гражданской войны в Тургояке). Но переход фольклорного произведения из устной формы в письменную привел к его качественным изменениям в худшую сторону. Эту особенность отмечают и другие исследователи: «Записывал сказку, она была великолепна. Перечел записанное: исчезло что-то самое важное. Это — интонация исполнителя, его жест, ответная реакция аудитории»²⁴. Искусство рассказывания произведений несказочной прозы остается искусством синкретическим. Выразительность устного рассказа зависит во многом от интонации, жеста, мимики и других исполнительских данных, которыми владеет способный рассказчик. В письменной передаче текст рассказа становится, как правило, менее эмоциональным и доходчивым, хотя слово — это главное выразительное средство, благодаря которому рассказ и в письменной форме нередко сохраняет многие свои художественные достоинства.

Хотелось бы отметить еще один момент, связанный с изучением творческой личности незаурядных рассказчиков. Что же представляют собой их повествования в жанровом отношении? Не секрет, что некоторым исследователям видится в повествованиях, записанных от талантливых рассказчиков, некий особый жанр, который чаще всего склонны именовать «сказом». Так ли это? Человек, обладающий даром хорошего рассказчика, одинаково интересно для слушателей может рассказать и предание, и случай из собственной жизни, и эпизод из прочитанной книги или просмотренного кинофильма. В то же время и заведомо эстетическая по своей природе речевая структура, к примеру, сказка, в устах малоспособного рассказчика может прозвучать нехудожественно. Искусные повествователи умеют сохранять в своих рассказах любой жанр, будь то предание, легенда, устный рассказ. В процессе живого бытования возможны контакты, ведущие к «размытости» жанровых границ, но не к созданию нового жанра-«сказа».

Таким образом, сама жанровая природа несказочной прозы (отсутствие устойчивой морфологической структуры, прямая зависимость композиционно-стилистического оформления от реальных условий бытования и т. п.) заставляет пристальнее взглянуть в повествования, записанные не от случайных, а незаурядных, искусных рассказчиков. Творческая личность таких рассказчиков требует внимательного изучения, потому что именно они являются наиболее активными хранителями народнопоэтической традиции. Трезвая жанровая атрибуция повествований, записанных от таких рассказчиков, поможет, думается, развеять иллюзии относительно существования мифического «сказа».

²³ См.: Архив Миасского краеведческого музея, ф. 630, ед. хр. 1847; ф. 626, ед. хр. 1843, 1844.

²⁴ Гаген-Торн Н. Современный фольклор и литература. — Русская литература, 1960, № 2, с. 166.